

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

Еще недавно и единственная, пусть и написанная от руки, афиша с упоминанием имени В. Высоцкого гарантировала аншлаг практически любому «мероприятию» — будь то лекция о безвременно ушедшем от нас барде, или встреча с его доселе неведомым «лепшим» другом, или выступление «кэспэшников», пытающихся популяризировать творчество того, кто уж чем-чем, а популярностью не был обделен.

Ныне, когда началась «пятая четверть пути» Высоцкого (один за другим выходят из печати сборники не публиковавшихся при жизни произведений, множится число авторских дисков, а вчерашний бестселлер — воспоминания Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» можно приобрести едва ли не в каждом киоске «Молдсоюзпечати»), — только именем Высоцкого на афише публику в концертный зал не завлечешь. Поэтому-то и стремятся все, кто обращается к столь, казалось бы, «примелькавшейся» фигуре, использовать еще не слишком «затасканные» материалы, источники и, главное, предлагать аудитории по возможности самобытную их трактовку.

Именно этим принципом, как нам кажется, руководствовались создатели спектакля-монолога по уже упоминавшимся мемуарам Марины Влади: режиссеры А. Богомолов и художественный руководитель Русского театра имени Чехова М. Абрамов, а также — в особой мере! — единственная исполнительница, актриса А. Филиппова, на долю которой выпало практическое воплощение весьма непростой идеи.

Моноспектакль идет на импровизированной сценической площадке — в верхнем фойе театра (кстати говоря, именно там, где ровно 18 лет назад давал памятный многим ночной концерт сам опальный бард). Поэтому у актрисы практически никакого внешнего подспорья: все оформление «сцены» — по ходу действия меняющиеся на мониторе фотографии Высоцкого; весь антураж — «котелок» и накидка, вскоре отбрасываемые за ненадобностью. В этой ситуации исполнителю ничего иного не остается, как «принять» весь огонь на себя.

Отталкиваясь от пусть и неординарного (по фактажу), но все же не претендующего на художественное совершенство текста мемуаров, А. Филиппова пытается имеющимися в актерском арсенале средствами — голосом, мимикой, пластикой, жестом — воссоздать живые портреты сразу трех основных персонажей. Трех — потому что наряду с главным героем воспоминаний —

Высоцким и их автором, важным представлялось воспроизвести запечатленный в мемуарах образ эпохи, оказавшей столь немилосердной к одному из самых незаурядных своих сыновей.

Пожалуй, с наибольшей психологической убедительностью удается исполнительнице передать чувства (а зачастую и оттенки эмоций) знаменитой мемуаристки, эволюцию ее отношения к Высоцкому, неоднотонность этой любви.

С едва уловимой иронией, но и — сочувствием рисует А. Филиппова портрет своей героини, в характере которой уживаются власть и своеобразие знающей себе цену французской кинозвезды — с отходчивостью, жалостливостью русской бабы; предприимчивость, присущая деловому человеку «западного» образца, — с растерянностью и беспомощностью интеллигентной личности, пасущей при столкновении с ненавязчивым советским «сервисом» и другими формами повседневного существования.

С особой бережностью и тактом перенесены с книжных страниц на подмостки наиболее яркие фрагменты воспоминаний, которые непосредственно посвящены любви двух са-

мобытных личностей, — любви, и при жизни Высоцкого, и впоследствии вызывавшей столько пересудов. И тут актриса проявляет «солидарность» — и не только «чисто женскую» — с М. Влади, отстаивающей свое и мужа право жить без оглядки на чьи-то смешки, упреки, сплетни, не зависев от мнения толпы, от ее диктата.

Хотя и сами мемуары, и выбор фрагментов, включенных в инсценировку, субъективны, но и по ним даже не слишком знакомым с жизнью барда удается создать себе достаточно полное представление о личности Высоцкого и ее масштабе. Предельная самоотдача и работоспособность, нравственная бескомпромиссность и гражданская смелость, альтруизм и легкая ранимость души; но и порой безволие, раздражительность... — все это было присуще Высоцкому, и вслед за Влади театр считает должным сказать об этом без обиняков.

Эти отрицательные черты и слабости характера ни в коей мере не способны изменить нашего отношения к подлинно талантливому человеку, за несущественным не заметить главного (на чем обоснованно акцентируют внимание созда-

тели спектакля). А главное это — роли, песни, стихи, чье воздействие на поколение 60-х и 70-х годов трудно переоценить.

По ходу спектакля многие теперь широко известные произведения Высоцкого звучат с магнитофонной ленты; большинство из них органически вплетено в ткань инсценировки, и лишь некоторые, к сожалению, выглядят иллюстрациями и не более.

В такие моменты, когда в очередной раз «дается слово» самому Высоцкому, актриса, понятное дело, «отодвигается в тень»; в эти минуты интересно наблюдать за А. Филипповой: в рамках исполняемой роли (или —непроизвольно выйдя из образа?) она предельно живо реагирует на звучащую песню или поэтический текст. Особенно естественно выглядит эта реакция, когда магнитоленда доносит до нас рокошущий голос Высоцкого, читающего монолог Хлопуши из спектакля «Пугачев» по Есенину. Вся подавшись вперед, с сияющими глазами, А. Филиппова беззвучно повторяет вслед за актером:

«П-р-р-иведите,
п-р-р-иведите меня к
н-н-н-ему:

Я хочу ви-и-деть э-т-т-ого человека!».

И если в каких-то других ситуациях актриса сыграла менее ярко, а где-то — с перехлестом, с излишней экзальтацией, это, на мой взгляд, компенсируется естественностью и художественной убедительностью только что упомянутой и ряда аналогичных мизансцен.

Вполне простительны и иные мелкие шероховатости: к примеру, не совсем верно процитированные пушкинские «Бесы» (хотя, конечно, желательно, чтобы с детства знакомые каждому и любимые не только Высоцким строки звучали с подмостков без искажений).

Можно также сожалеть и о том, что так и не обрел в моноспектакле достаточную четкость образ эпохи, в которой довелось жить Высоцкому да и всем нам (хотя мемуары М. Влади давали для этого богатый материал).

Впрочем, нельзя объять необъятное, и остается поэтому довольствоваться тем, что сделано, тем более, повторяем, что в целом спектакль удался.

Этот, как впрочем, и ряд других появившихся в репертуаре новых спектаклей, внушают надежду, что театр им. А. П. Чехова начинает выбираться из длительного кризиса.

М. ДРЕЙЗЛЕР.

Фото Ю. Омелько.